

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

МОЙ КОВЧЕГ

В стихотворении «Вологда», между прочим, была еще одна строфа, которую поэт Леонид Мартынов впоследствии снял. А жаль. В строфе говорилось о том, как «по той по реке Золотухе петухи плывут краснобрюхи...». И далее вновь следовал выразительный и многозначительный рефрен: «сладок запах ржанных краях!»

Детство и отрочество мои прошли возле реки Золотухи, которая протекала в глубоком рву как раз под окнами нашего двухэтажного мрачного с виду кирпичного дома. Может быть, поэтому «оком духовным» я нередко видел: во рву плывут не хлопья банной пены, а расписные, словно краснобрюхие петухи, ладьи... Они плывут издалека, может быть, от самых веденеевских бань; по бортам щиты дружинников, паруса с изображением Ярилы, резные кормы и такие же резные высокие носы. Они плывут медленно, и отблески белых парусов падают на зеленую, отдающую болотиной воду.

Еще мне чудилось, что в верховьях Золотухи, а может, и Вологды или какой-то другой реки, но вернее всего Золотухи, находятся таинственные Волочанские болота. Называют их так потому, что в старину по этим болотам корабельщики волочили корабли, а затем спускали их на воду и плыли дальше. И вот однажды некий дружинный князь повелел протащить через болота золотую ладью: ее днище было оковано листами светлой меди, горевшей словно жар. Потому-то и получила эта ладья прозвище золотой... Князь спешил к своей нареченной, к

своей невесте, с которой не виделся очень давно. Ладья же была тяжелой из-за медной оковки, из-за драгоценных кладей, из-за многих даров. Корабельщики не удержали ее на деревянных катках: веревки лопнули, катки проломились, и прекрасная ладья стала медленно погружаться в топи...

Скажу откровенно, подобные мечтания волновали меня, они порождали страстное желание побывать у истоков родных рек... Кто знает, рассуждал я сам с собою, может, я окажусь счастливецом, который увидит ладью и сделает историческое открытие?.. Правда, для путешествия нужна была лодка-плоскодонка, которая прошла бы по любым перекатам и мелям.

Почти в каждом дворе на берегах Золотухи умели мастерить такие плоскодонки. Делали их и у нас «ребята Клячины», братаны-подростки, жившие в семействе сапожника Клячина. По их примеру я сносно владел и пилой, и рубанком, и молотком, знал, как выстругивать, конопатить, заливать варом плоскодонную лодку.

А тут еще подоспели летние каникулы... На задворках дома, среди крапивы и прозрачно-бледной лебеды, была устроена судостроительная верфь. Материал доставался где угодно: доски отрывались от забора, вытаскивались из сарайки, приносились с реки. Были, конечно, и каверзы со стороны ближних. Когда готовая лодка лежала кверху днищем, озорная соседка Галка, вооружившись увеличительным стеклом, выжгла: «Плавучий гроб». Ярость моя не знала предела!..

Но что правда, то правда, поначалу лодка сильно текла: как только я спускал ее в Золотуху, она сразу же начинала тонуть. Несколько раз мне пришлось вытаскивать ее на берег, конопатить, заливать варом, прогревать паяльной лампой и снова красить. От этой по-взрослому нелегкой работы я окреп, вытянулся ростом и стал иначе смотреть на все предприятие... Теперь уже свою лодку я мыслил золотой ладьей! И мечтал как можно скорее проплыть по реке Вологде под парусом... Не на веслах, как все, а под парусом; вверх или вниз по течению - это было уже безразлично. Прямоугольный парус из трех кусков холстины я сшил тайком от матери, которая дорожила и холстиной и, больше всего, зингеровской машинкой, которую я едва не погубил, пытаясь прострочить рубцы.

Наконец-то утро, о котором неотступно грезилось, - наконец-то это утро наступило... За ночь в лодку набралось совсем мало воды: значит, ее можно было пускать в плавание.

С непередаваемым волнением я сел за весла и стал править под высокую арку Каменного моста. Дворовая челядь стояла на берегу, небрежно и насмешливо заложив руки в карманы коротких штанишек...

Но мой ковчег разочаровал их, - он оказался остойчивым и послушным сооружением, хотя, как вскоре выяснилось, и был отчаянным тихоходом. А на реке Вологде дул резкий верховой ветер; крупная зыбь зашлепала о борта плоскодонки. Покачиваясь на волнах, я поставил короткую мачту, насадил на нее рейку - парус развернулся, натянул концы бечевки, по-морскому, шкотов, и лодка сразу же прибавила ход.

Восторг, распиравший грудь, не позволил мне насладиться этой необыкновенной минутой. Смутно, словно сквозь сон, проплыли мимо деревянные опоры Красного моста, штабеля бревен у лесопилки, церковь во Фрязиновой слободе... За слободой я чуть было не наскочил на лодочника, перевозившего пассажиров с городской пристани в заречье. И повернул обратно. Но грести против ветра оказалось трудно: нос плоскодонки разбивал встречную волну, тормозил ее движение. И когда я доплыл до устья Золотухи, то кровавые мозоли покрывали ладони моих рук. И все же гордость свершенным кружила мне голову. Я теперь всерьез помышлял о плавании к верховьям реки... Увы! Через неделю мой корабль пропал: целые дни я обходил дворы на Золотухе и набережные на Вологде-реке. Все напрасно. Лодка пропала, как в воду канула.

В сентябре сорок пятого года меня откомандировали из саперного батальона, расположенного на Кавказе, в Москву. А поездом от Москвы до Вологды всего одна ночь. Соблазн был слишком велик, чтобы не рискнуть, и я рискнул. Так впервые за все эти годы мне пришлось побывать в родном городе, обнять маму, попытаться встретить кого-нибудь из бывших одноклассников.

Мама моя почти не изменилась с того самого часа, когда на Ленинградском вокзале наша курсантская рота стояла у вагонов электрички, и когда она прорывалась ко мне сквозь толпу. Во дворе дома были видны понурые лошади. Поленицы дров громоздились за забором телефонной станции. В бильярдной ДК раздавался стук шаров... Только сарай на задворках осели и покосились и обрывы Золотухи еще гуще заросли бурьяном. Да и весь город в целом показался мне постаревшим, вроде бы осунувшимся с лица, словно это был близкий человек, который перенес тяжелую болезнь и сейчас стал медленно поправляться. Одноклассников я не встретил: многие были убиты, другие лежали в госпиталях, третьи служили за тридевять земель. Два дня промелькнули быстро. Перед отъездом я пошел по традиции на Красную горку. Купалки и лодочной станции там уже не было. Но величественный ансамбль кремля с Софийским и Воскресенским соборами, с древним судным приказом, «цыфирной школой», с архиерейскими палатами в стиле барокко произвели впечатление на молодого офицера, совсем недавно повидавшего по воле военной фортуны и королевский Вавель в Кракове, и рыцарский замок в Недзлице, и Карлов мост в Праге.

Осмотрев архиерейское подворье и переправившись на лодке через реку, я медленно пошел вдоль Армейской набережной: здесь так же все для меня было интересно: узорная Сретенская церковь, «Свечная лавка», бывшие хоромы купца Витушечникова, изукрашенные гирляндами роз, медальонами и венками в оконных наличниках... Я дивился архитектурным богатствам набережной, которых не ожидал увидеть в родном городе. Я думал, что их можно встретить где угодно, в Кракове, Ченстохове, Братиславе, но только не здесь, не на набережной родной реки.

За Красным мостом спустился к воде и на песчаном плесе, среди множества лодок, присел на одну из них... Напротив меня, на другом берегу реки, виднелось здание Первой мужской школы. Вероятно, в школе прозвенел звонок: на берегу мелькали фигуры в форменных тужурках. Старшеклассники покуривали у забора. Ученики помладше забавлялись тем, что пускали по воде плоские камешки, считали «тарелки». Но здание школы, из которой я уходил в армию, было теперь отодвинуто куда-то далеко-далеко, оно виделось мне как бы в перевернутый бинокль.

Машинально я взялся руками за скамью лодки, на которой сидел. И замер: пальцы подсказали, что это дерево мне знакомо. Уже осознанными движениями я ощупал скамью, бросил взгляд на носовой брус: там должен быть врезан болт, скрепленный гайками. Я сам его нарезал в механической мастерской. Этот болт был на своем месте. Вот почему у меня возникало такое ощущение, будто лодка, в детстве сработанная моими руками, подымалась из глубин забвения, как золотая ладья из Волочанских болот.

- Вот так встреча, - наконец-то выдохнул я. - И так поздно!

Не детство, не отрочество, кажется вся жизнь прошла с тех пор, когда я проплывал под парусом у деревянных опор моста... И так многое позабылось. Но видишь: все ожило, возродилось, воскресло, не для того ли, чтобы, воскреснув и возродившись, снова кануть в глубину времени и судьбы...

Хотя нет, легенду о золотой ладье, как выяснилось позднее, совсем непросто было забыть... То в Историческом музее мне бросился в глаза славянский челн, выдолбленный из черного днепровского дуба. То в «городе стекольном» - в городе Стокгольме довелось увидеть корабль викингов, поднятый с морского дна. То узнать, что на Ильменском озере выловили тралом часть деревянной обшивки новгородской ладьи.

Значит, не я один мечтал найти золотую ладью. И не для меня одного эта золотая ладья стала символом красоты, которая лишь изредка открывается людям и тем самым становится все привлекательней, все загадочней для тех, кому не чужды высокие устремления души...